УДК 323:343:004.738.5

DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(3).450-468

Олешко Владимир Федорович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой

Кафедра периодической печати и сетевых изданий,
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург,
Российская Федерация, e-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

Vladimir F. Oleshko

D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of Department

Department of Print and Online Publications, Ural Federal
University Named after the First President of Russia
B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

Олешко Евгений Владимирович

Доктор филологических наук, профессор

Кафедра периодической печати и сетевых изданий,
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург,
Российская Федерация, e-mail: pps2424@mail.ru

Evgeny V. Oleshko

D.Sc. in Philology, Professor

Department of Print and Online Publications, Ural Federal
University Named after the First President of Russia
B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

Шестак Иван Евгеньевич

Журналист

Сетевое издание E1.RU, г. Екатеринбург,
Российская Федерация, e-mail: fra-francisk@hotmail.com

Ivan E. Shestak

Journalist

Online Mass Media E1.RU, Yekaterinburg,
Russian Federation, e-mail: fra-francisk@hotmail.com

Проблема дегероизации образа террориста в публикациях массмедиа

Аннотация. Проблема терроризма во всех его формах и проявлениях в эпоху глобализации является одной из самых важных для мирового сообщества. В статье рассматривается проблема дегероизации образа террориста в публикациях современных массмедиа. Поскольку их деятельность сегодня осуществляется в постоянно обновляющемся

цифровом пространстве, авторы поставили задачу разработать алгоритм дегероизации. В связи с этим анализируется и представляется в системе последовательность творческих операций, следуя которым у журналиста или другого субъекта информационной деятельности появляется возможность лишить террориста или преступную группу ореола героизма, а также любых проявлений солидарности с ними. Теоретико-методологической основой проведенного исследования стали научные работы, посвященные проблемам контртеррористической деятельности и роли массмедиа в ее реализации. Эмпирической базой исследования послужил тематический мониторинг 112 текстов, в которых освещались резонансные террористические акты 2016–2021 гг. Также использовался сравнительный анализ и вторичный анализ данных. На конкретных примерах доказано, что алгоритм дегероизации образа террориста, разработанный на базе законодательных и этических аспектов журналистской деятельности, должен характеризоваться дискретностью, определенностью, результативностью, а также должен содержать некоторые свойства эвристического процесса. Отмечается, что структурно-тематические, социально-психологические, лексические и семантические характеристики транслируемых текстов как увеличивают, так и снимают их неопределенность, что в итоге определяет эффективность медиадеятельности. Предложенные рекомендации, анализ приемов и методов дегероизации, могут способствовать не только контртеррористической деятельности. Разработанный алгоритм применим и в других информационных ситуациях, полезен широкому кругу журналистов, медиаменеджеров, студентов творческих специальностей.

Ключевые слова. Терроризм, дегероизация образа террориста, массмедиа, текст, алгоритм, эффективность.

Вклад авторов. Олешко В.Ф. — теоретико-методологическая разработка программы исследования, определение эмпирической базы;

Шестак И.Е. — сбор материалов, разработка практических рекомендаций для массмедиа;

Олешко Е.В. — обработка материалов, обобщение теоретических выводов.

Финансирование. Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00264 в рамках научного проекта «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции».

Информация о статье. Дата поступления 6 августа 2021 г.; дата принятия к печати 25 августа 2021 г.; дата онлайн-размещения 21 сентября 2021 г.

The Problem of Deheroization of the Image of a Terrorist in Mass Media Publications

Abstract. In the era of globalization, the problem of terrorism in all of its forms and aspects is one of the most important issues for the global society. This article reviewed the problem of deheroization of the image of a terrorist in modern mass media. Since the media today operate in a constantly updated digital space, the authors have tried to develop an algorithm of deheroization. In this regard, the sequence of creative operations is analyzed and presented, for a journalist or another subject of information activity is able to deprive a terrorist or a criminal group of a hero halo and any other aspects of solidarity with them. The theoretical and methodological basis of the research was scientific works devoted to the problems of counter-terrorism activities and the role of the mass

media in its implementation. The empirical basis of the study was the thematic monitoring of 112 texts that covered the resonant terrorist acts of 2016–2021. Comparative analysis and secondary data analysis were used as well. Using concrete examples, it is proved that the algorithm of deheroization of the image of a terrorist, developed on the basis of legislative and ethical aspects of journalistic activity, should be characterized by discreteness, certainty, effectiveness, and should also contain some properties of the heuristic process. It is noted that the structural-thematic, socio-psychological, lexical and semantic characteristics of the broadcast texts both increase and remove their uncertainty, which ultimately determines the effectiveness of the media activity. The proposed recommendations, an analysis of techniques and methods of deheroization, can contribute not only to counter-terrorism activities, but also could be applicable in other information situations. The developed algorithm is useful for a wide range of journalists, media managers and students of creative study programs.

Keywords. Terrorism, deheroization of the image of a terrorist, mass media, text, algorithm, efficiency.

Contribution of the authors. Oleshko V.F. — theoretical and methodological development of the research program, determination of the empirical base;

Shestak I.E. — collection of materials, development of practical recommendations for the mass media;

Oleshko E.V. — processing of materials, generalization of theoretical conclusions.

Funding. The article was supported by the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00264 within the framework of the scientific project "Digitalization of communicative-cultural memory and the problems of its intergenerational translation".

Article info. Received August 6, 2021; accepted August 25, 2021; available online September 21, 2021.

Введение

Проблема терроризма во всех его формах и проявлениях не просто актуализирована новейшей, а зачастую и повседневной практикой индивидов, но и превратилась в одну из самых важных тем для представителей различных социумов и даже для всего мирового сообщества. Ведь сегодня, в эпоху глобализации, терроризм является не только одним из наиболее опасных явлений, но и, по сути, не знает границ. По крайней мере, информационных, поскольку, благодаря перманентному развитию технологий все более совершенными становятся и методы, и инструменты устрашения таким образом населения или реализации попыток показать слабость действу-

ющих политических институтов, силовых структур или в целом правительства той или иной страны.

Возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации, как свидетельствуют исследования, имеют определенные исторические предпосылки, и это связано «как с внутренними экономическими, политическими, социальными, межнациональными, профессиональными противоречиями, так и с внешними, в том числе общими для всего мирового сообщества, террористическими угрозами» [1]. Для теории и практики медиа в контексте концепции *sharp power* (мягкой силы) — технологии «влияния в эпоху, когда информация становится оружием» [2, с. 22] — на

первый план выходит необходимость системного анализа совокупности операций информационного кибертерроризма. Ведь с моделями «мягкой силы» различных террористических организаций как способностью достигать желаемых результатов за счет привлечения, а не принуждения, приходится бороться Российской Федерации на различных фронтах, как виртуальных, так и вполне реальных, вроде войны в Сирии. При этом «в контридеологической борьбе против исламистских группировок Россия использует собственную модель "мягкой силы", основанную на твердой решимости отстаивать законные права народов самим выбирать свою судьбу и тех лидеров, которые будут управлять государством» [3].

И если с точки зрения решения задач информационной безопасности отечественными и зарубежными учеными по результатам исследований опубликовано достаточно большое количество работ [4–10], то психологический аспект феномена героизации/дегероизации личности террориста в контексте новейших цифровых медийных практик еще лишь предстоит изучить и многосторонне осмыслить. А ведь в предпочтениях массовой, в особенности молодежной, аудитории именно социальные сети и мессенджеры все чаще доминируют как площадки для дискуссий. В частности, политологи, анализирующие методы идеологической работы ряда экстремистских организаций, в том числе и с использованием новых информационных технологий, свидетельствуют, что «призыв к абсолютной справедливости, равенству и братству нисколько не утратил своей притягательности.

В ИГ идут не только молодые люди из низших, беднейших слоев общества, где с момента рождения у них не было и никогда не будет никаких жизненных перспектив, но и дети богатых родителей, которые на волне эмоционального порыва, поддерживаемого на должном уровне "мягкой силой" исламистов, отдают все свое имущество в собственность ИГ и становятся такими же нищими, как и моджахеды, пришедшие в ИГ из дальних аулов. Этот феномен никто из политологов не может толком объяснить, потому что его природа лежит в особой притягательности самой "мягкой силы". У исламистов ИГ такая сила, безусловно, есть» [11].

Характерной особенностью XXI в. стало активное использование насилия как способа заявить о своих социально-политических взглядах. В связи с этим факты открытого терроризма или подготовки к этим актам сегодня из локальных преступлений превратились в конкретные методы устрашения и дестабилизации общества во всех сферах его жизни, от политической до повседневной. С увеличением влияния глобальной Сети и повсеместной цифровизации медиаконтента террористы и их прямые или косвенные хозяева все чаще стали использовать эффект главного своего оружия — страха. Не случайно злоумышленники в России и за рубежом пытаются организовать свои террористические атаки именно в крупных городах, где такого рода событие, даже в случае неудачи, будет широко освещаться массмедиа. Поэтому противодействие терроризму должно быть комплексным. С одной стороны, журналистам надо быть объективными, от широкой аудито-

рии, конечно же, нельзя скрывать правды, но с другой — необходимо при этом так подавать информацию, чтобы не способствовать нагнетанию чувства неизбежности беды, а также не стать своеобразным проводником взглядов террористов. И стоит ли вообще сообщать подробности их жизни? Или представлять организаторов и участников теракта некой стороной конфликта или теми, кого традиционно именуют героями публикаций?

Вопросы отнюдь не риторические, и данная проблематика предполагает совершенно конкретный общеметодологический подход к поиску ответов на эти вопросы и в целом на запросы современной медийной антитеррористической практики.

Антигерой. Но для всех ли он является им?

Национальность и гражданство террориста — характеристики второстепенные, если его образ и поступок способны спровоцировать другого человека, даже потенциально, к совершению чего-то подобного. Так последствия трагедии, случившейся в Осло в 2011 г., свидетельствуют именно о роли медиа в продолжении развития данной истории и о их влиянии на психологические особенности восприятия и интериоризации случившегося в тот трагический день.

Как известно, главным антигероем публикаций массмедиа должен был без сомнений стать Андерс Беринг Брейвик. Ведь от его преступных действий погибли 77 человек, еще более 300 были ранены. Но буквально вскоре в польском городе Плоцк стражи порядка задержали подростка, которого на-

звали последователем Брейвика: «В Польше задержали малолетнего последователя Брейвика»¹. Кроме того, в социальных сетях стали появляться группы, посвященные террористу с положительной коннотацией: «Андерс Беринг Брейвик — герой классовой войны»². И даже в российском издании, с почти миллионным в тот период тиражом и не менее популярным у читателей сайтом, вышла публикация с явно противоречивыми с точки зрения журналистской профессиональной этики заголовком и подзаголовком: «Герой России убийца Брейвик. Почему норвежский нацист завоевывает симпатии россиян»³. Таким образом, уже вскоре после трагедии террорист, благодаря журналистам и активным блогерам и пользователям соцсетей, стал «героем» для широких масс, что, безусловно, не только противоречит гуманистической составляющей медиадетальности, но и в целом здравому смыслу.

К сожалению, немало подобных примеров можно найти и в новейшей медиапрактике. К примеру, в июле 2021 г., по сообщениям массмедиа, в Сети появилась уже не первая группа людей, заявивших о желании «помочь» устроившему расстрел в казанской школе Ильнazu Галявие-

¹ В Польше задержали малолетнего последователя Брейвика // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2011/08/19/poland/>.

² Андерс Беринг Брейвик — герой классовой войны // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club28970704>; Андерс Беринг Брейвик — герой нашего времени! // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club41269998>.

³ Герой России убийца Брейвик // Московский комсомолец. URL: <http://www.mk.ru/politics/world/2011/07/25/608594-geroy-rossii-ubiytsa-breyvik.html>.

ву добиться некоего «справедливого расследования»⁴. Как следствие развития данных тенденций можно рассматривать тот факт, что феномен героизации террористов стал предметом даже научных исследований [12]. Но если в теоретическом плане постановка данной проблемы была осуществлена, то в практическом, прикладном, с учетом того факта, что массмедиа функционируют сегодня в постоянно обновляющемся цифровом пространстве, решений пока предложено не было. В связи с этим авторы данной статьи поставили задачу попытаться разработать с учетом современных технологий медиадеятельности алгоритм дегероизации образа террориста как субъекта, уже представленного (что называется «по горячим следам») в контенте, или описываемого журналистами в некоем обобщенном плане в рамках контрпропагандистских акций.

Надо сказать, что в новейшей исследовательской практике различных медиасфер принцип алгоритмизации журналистской деятельности уже получил признание как один из самых эффективных способов реализации прагматических целей. Так, к примеру, у отечественных и зарубежных ученых только положительные отзывы получил разработанный М.В. Загидуллиной алгоритм медиаэстетического анализа журналистских произведений [13]. Именно данный подход, на наш взгляд, востребован, поскольку одним из важнейших факторов реализации принципов информационной безопасности в

цифровую эпоху должно быть предотвращение того, что можно отнести к героизации не только участников и соучастников преступлений террористического характера, но и в целом лиц, способных на насилие и агрессию как поведенческие реакции под воздействием текстов медиа. Сами того не желая, это могут спровоцировать разнообразные акторы глобальной Сети или даже журналисты, подробно и всесторонне освещая в погоне за рейтинговыми публикациями единичные экстраординарные факты.

В особенности важно лишить террориста ореола героизма, любых проявлений солидарности, и, как это ни жестоко, лишить его даже элементарного сочувствия. В целом при этом, доказательно отвергнув какие бы то ни было аргументы для совершения подобного поступка как акта отчаяния. Хотя психологи, исследующие данные феномены, отмечают: «Борьба с терроризмом все еще пока сконцентрирована на самих террористах, а не на социальных источниках этого феномена. Социальные психологи могут немало сделать для снижения террористической угрозы, если их внимание будет обращено не только на объяснение негативных явлений и процессов (социальную напряженность и конфликты, ксенофобию), но и на механизмы социальной интеграции» [14, с. 52]. Между тем, на наш взгляд, системная деятельность массмедиа как раз и должна способствовать данному рода интеграции и предотвращению того, что может подтолкнуть индивида к подражанию террористам [15], прямому или косвенному одобрению их деятельности даже на бытовом уровне.

⁴ «Хотим докопаться до правды» // Znak.com. URL: <https://www.znak.com/2021-07-08/>.

Алгоритм дегероизации: структурные компоненты

Как ключевой аспект исследования данный алгоритм представляет собой последовательность действий или процедуры, следуя которой у журналиста появляется шанс лишить террориста или преступную группу ореола героизма. Важно отметить, что речь идет именно о вероятности, поскольку предугадать индивидуальное восприятие каждого представителя массовой аудитории невозможно. Основой для разработки, конечно же, являются законодательные⁵ и рекомендательные для СМИ⁶ документы по профилактике и противодействию терроризму и экстремизму. Но при этом стратегию дегероизации образа террориста не следует воспринимать, как строгую математическую программу, к которой нужно относиться формально. Субъекту информационной деятельности следует добиваться в создаваемом тексте гармоничного сочетания структурных элементов и смысловых компонентов. То есть данный алгоритм творческой деятельности предполагает опору на эмпирические данные, на аргументы и на здравый смысл, который должен

ограничивать восприятие случившегося только на эмоциональном уровне, чем, как свидетельствовал наш анализ медийной практики цифровой эпохи, нередко грешат современные журналисты [16].

Однако, как и в математике, данный алгоритм должен характеризоваться рядом основополагающих свойств: *дискретностью* (последовательностью действий); *определенностью/понятностью* для любого исполнителя; *результативностью*; и, наконец, тем, что в информатике именуется *массовостью*, когда алгоритм, разработанный для решения некоторой задачи, должен быть применим для решения задач этого типа при всех допустимых значениях исходных данных [17]. При этом алгоритм с непреклонностью должен содержать и некоторые *свойства эвристического процесса*. Иными словами, включать также «различные разумные соображения без строгих обоснований» [18, с. 155]. Такое свойство важно для того, чтобы «объять» те темы, сюжеты организации террористических актов, их последствия, или аспекты характеристики личности террориста, которые для конкретного случая являются уникальными, поскольку, как свидетельствовал проведенный нами тематический мониторинг, ни один экстремальный сюжет не являлся полностью идентичным другим.

Наиболее важными структурными компонентами при этом, безусловно, являются *законодательные и этические аспекты журналистской деятельности*. Ведь уже на начальном этапе освещения данной тематики необходимо, как на

⁵ О противодействии терроризму : Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : (ред. от 18 марта 2020) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Рекомендации о взаимодействии СМИ, институтов гражданского общества с государственными органами в профилактике терроризма и экстремизма, формах и методах их пропагандистской деятельности. М. : Унив. кн., 2010. 16 с.

правовом, так и на этическом уровнях корректно представлять образ террориста в публикациях массмедиа. Очевидно, что у журналистов во время сбора исходного материала на определенных этапах, в частности, в фазе представления виновных, а также при выяснении потенциальных «заказчиков» инцидента, возникают данного рода проблемы, например, при поспешных предположениях о мотивах и действиях преступника, а также при цитировании в публикациях прямой или косвенной речи очевидцев или даже самих задержанных силовиками террористов.

Освещающий эту безмерно сложную тему должен руководствоваться достаточно большим количеством действующих нормативных правовых актов, применяемых в сфере противодействия терроризму (в полном объеме они представлены на сайте практически любого государственного органа⁷. Помощь в решении сложных задач профессионального характера при этом, по мнению экспертов, могут оказать также отечественные и зарубежные этические кодексы журналистов [19]). Причиной тому служит тонкая грань между системным представлением контртеррористической тематики и пропагандой терроризма как явления. Знание законов, постановлений и конституционных норм, а также учет профессионально-этических составляющих, позволяет журналистам избегать ситуаций,

когда они, к примеру, раскрывают государственную или ведомственную тайну, став невольными пособниками террористов. Подобное случилось в 2002 г., когда операцию по освобождению заложников, которых бандиты захватили в театральном центре на Дубровке в Москве, осложняли СМИ, которые подробно освещали все действия спецназа. «Когда мы работали на крыше здания, нас снимали телекамеры и потом показывали по телевизору, а у террористов были телевизоры, и они все это наблюдали», — рассказал позднее офицер подразделения «Альфа» Сергей Гончаров⁸. Понадобилось время, чтобы дополнить законодательство и разработать новые нормативные акты, регулирующие деятельность журналистов в подобных ситуациях [20].

В качестве эмпирической базы авторами статьи использован контент отечественных и зарубежных сетевых изданий, в которых, на наш взгляд, с разной степенью социальной эффективности были освещены резонансные террористические акты 2016–2021 гг. Тематический мониторинг 112 текстов позволил не только выявить закономерности, но и сформулировать рекомендации, которые дают возможность описать в системе алгоритм процесса дегероизации личности террористов. Для того, чтобы конкретизировать данного рода деятельность, далее поэтапно рассмотрим публикации массмедиа по поводу одного из трагических случаев.

⁷ Действующие нормативные правовые акты в сфере противодействия терроризму // Управа района Кунцево города Москвы. URL: <https://kuntsevo.mos.ru/counter-terrorism/antiterror/existing-legal-acts-in-the-sphere-of-combating-terrorism.php>.

⁸ СМИ осложняли операцию по освобождению "Норд-Оста" — ветеран "Альфы" // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20121026/906989513.html>.

**Теракт в магазине
«Перекресток» в Санкт-
Петербурге 27.12.2017 г.**

Непосредственно событие. В первых публикациях с большей или меньшей степенью оперативности излагалось, что случилось, и где это произошло: «В Санкт-Петербурге в магазине "Перекресток" взорвалось неустановленное взрывное устройство»⁹. Но предпочтение аудитория отдаст массмедиа, сообщаящему подробности, ведь рядом могли быть родные и близкие: «В Санкт-Петербурге вечером, 27 декабря, произошел взрыв <...> Происшествие случилось в камере хранения магазина "Перекресток", расположенного в торговом центре "Гигант Холл" на Кондратьевском проспекте» [21]. Безусловно, сразу возникают вопросы о последствиях случившегося, а также о роли и ответственности силовых органов, не ответив на которые редакции трудно ожидать положительной реакции на публикацию. К тому же происшествие еще не классифицировано как теракт: «Следственный комитет возбудил уголовное дело по статье "Покушение на убийство двух и более лиц общеопасным способом"»¹⁰. Можно было предполагать: массмедиа, которое первым заявит, что это теракт, привлечет максимально большую аудиторию в силу резонансности происшедшего.

Публикация данных с акцентом на погибших и пострадавших. На следующем этапе необхо-

димо было представить аудитории масштаб случившегося, а также имеющиеся подробности: «Пожара после взрыва неустановленного устройства в магазине не последовало, несущие конструкции здания не повреждены»¹¹, «Самодельное взрывное устройство было начинено поражающими элементами»¹². Но аудитория, предположительно, ждала расширенного комментария от компетентных органов. В лице законного представителя Следственного комитета России выступила Светлана Петренко: «По факту взрыва неустановленного предмета в Санкт-Петербурге возбуждено уголовное дело по статье 30 и части 2 статьи 105 УК РФ»¹³. Но при этом данное и другие СМИ ссылаются на РИА «Интерфакс», приоритет которого оказался неоспорим — его журналисты первыми получили эту информацию, а к полуночи от главы петербургского управления СК Александра Клауса и сведения о большом числе потерпевших. Тем не менее, в сообщениях пока не было сведений о виновниках происшедшего.

Следует иметь в виду, что на данном этапе информационной деятельности любые сообщения наверняка вызывали у представителей массовой аудитории страх, прежде всего в силу неопределенности и прогнозов развития событий. В этом случае, уступая в оперативности другим массмедиа, не имея авторитетных экспертных мнений,

⁹ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/incidents/20171227/1511851262>

¹⁰ Десять человек пострадали при взрыве в петербургском супермаркете // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/27/perekrestok/>.

¹¹ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/incidents/20171227/1511852098>

¹² Появились подробности взрыва в петербургском супермаркете // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/27/podshipnik/>.

¹³ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/incidents/20171227/1511852227>.

а также желая обеспечить интерес к своим текстам, журналисты нередко публикуют драматические фотографии или даже видео с человеческими жертвами, полученные от очевидцев. С моральной точки зрения в контексте потенциального теракта применение теории устрашения на базе излишнего натурализма считается недопустимым в рамках этических кодексов не только журналистов, но и врачей, силовиков. Как негативный пример можно привести долговременный шок у людей различного возраста. Это отмечали психологи в 2010 г. после публикации многими изданиями фотографий с изображением жертв теракта в московском метро [22]. Маркетинговая стратегия СМИ, базирующаяся на шок-контенте, уже неоднократно осуждалась депутатами Госдумы РФ и представителями общественности [23]. Но в ситуациях с терактами серьезность уже не просто претензий, а обвинений в непатриотизме, увеличивается многократно. Ведь именно террористам и организаторам данных действий выгодно привлечь большое внимание к изображению последствий своих действий, с целью формирования коммуникативной базы дестабилизации социальной ситуации и ценностных констант отдельных социумов или российского общества в целом.

В период новостной энтропии в связи с происшедшим журналистам важно едва ли не хронологически отслеживать реакцию властей, владельцев бизнеса, а также действия силовиков, правоохранительных органов¹⁴, ведь для любого человека

важным становится прежде всего факт недопущения повторения подобного. К тому же, в нашем случае информационное агентство РИА «Новости», опубликовав инфографику, где было впервые указано, что произошел именно теракт, взяло на себя этическую ответственность за сообщение. Классифицировать произошедшее как террористический акт могут лишь правоохранительные службы или Правительство России. Но важно и другое: после данной публикации количество просмотров и ссылок на нее других СМИ, по статистике¹⁵, возросло в десятки раз.

Поиск виновных. Утром 28 декабря во время вручения государственных наград Президент России Владимир Путин назвал терактом взрыв в петербургском супермаркете¹⁶. Тогда же глава государства поручил правоохранителям задерживать «бандитов» и всех причастных к инциденту. Впоследствии силовые органы приняли указание и переквалифицировали уголовное дело по статье 205 УК РФ («Террористический акт»). Этим же утром был опубликован текст с заголовком «Кремль объяснил противоречия в выводах спецслужб и Путина о теракте в Петербурге»¹⁷, в котором пресс-секретарь Президента России пояснил, почему силовики не сразу классифицировали произошедшее как теракт. В данном случае мож-

¹⁵ MediaMetrics. URL: <https://mediametrics.ru/rating/ru/online>.

¹⁶ Путин назвал взрыв в петербургском супермаркете терактом // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/28/terakt/>.

¹⁷ Кремль объяснил противоречия в выводах спецслужб и Путина о теракте в Петербурге // Ведомости. 2017. 28 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/12/28/746845-kreml-terakt>.

¹⁴ Теракт в супермаркете в Санкт-Петербурге // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/infografika/20171227/1511857588.html>.

но отметить, что в период много-часового разрыва между фактом взрыва и его признанием в качестве теракта среди населения города и в соцсетях было распространено множество слухов, предположений, заключений «диванных экспертов», что отнюдь не способствовало авторитету власти и силовых структур. Следовательно, алгоритм реализации их информационной политики о контроле над ситуацией никак не через день должен был включать жесткую, но объективную правду о жертвах, о том, кто возьмет на себя все расходы на лечение и реабилитацию пострадавших, об усилении мер антитеррористической безопасности в регионах страны¹⁸.

Именно на волне слухов и предположений негосударственные масс-медиа начинают публиковать информацию о том, что «предполагаемый исполнитель теракта попал в объектив камер видеонаблюдения»¹⁹, а упоминание неславянской внешности предполагаемого террориста во многих текстах сетевых изданий являлось не более чем характеристикой стереотипного мышления журналистов [24]. Более того, их непрофессионализм, а возможно и некая предзаданность, позволили на первый план в комментариях уже нескольких массмедиа вынести утверждение весьма сомнительного источника о том, что «международная террористическая организация "Исламское государство" взяла на

себя ответственность за взрыв в супермаркете "Перекресток" в Санкт-Петербурге»²⁰. Этого, собственно говоря, всегда и добиваются террористы — пиарить любой подобный факт под флагом своей организации. Тем более, что у петербуржцев еще были свежи воспоминания о трагических событиях 3 апреля 2017 г., когда произошел теракт с множеством жертв и пострадавших.

Нахождение мотивов и наказание истинного виновника. Вечером 30 декабря в СМИ появляется информация, что сотрудники ФСБ установили и задержали организатора и непосредственного исполнителя подрыва бомбы в супермаркете²¹. Об этом сообщает Центр общественных связей ФСБ России, но на этой фазе сюжета подробностей о личности террориста не сообщается.

Однако уже вскоре появляются публикации, где приводится подробная характеристика террориста. Так, сообщается, что, по предварительным данным террорист являлся жителем одного из районов Петербурга, состоял на учете в психоневрологическом диспансере, а также вел асоциальный образ жизни²². Что касается его дегероизации, то журналисты в ряде случаев, видимо, думали не столько о решении данной задачи, сколько о рейтингах своих публикаций. Так даже после информации о психическом заболевании

²⁰ Telegram. URL: <https://t.me/directorate4/1148>.

²¹ Задержан организатор взрыва в магазине "Перекресток" в Санкт-Петербурге // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshiestviya/4853392>.

²² Источник: предполагаемый организатор взрыва в Петербурге состоял на учете у психиатров // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshiestviya/4853483>.

¹⁸ Полпред президента в СЗФО поручил усилить антитеррористическую безопасность в праздники // ТАСС. URL: <http://tass.ru/politika/4851856>.

¹⁹ Исполнитель взрыва в «Перекрестке» попал на видео // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2017/12/28/011>.

данного субъекта излагались подробности того, что он относил себя «к националистическому оккультному движению "Нью Эйдж"» и «употреблял наркотики»²³. К слову, последнее, как и то, что он был ранее судим за незаконный оборот наркотиков²⁴, не нашло подтверждения, о чем данные массмедиа позднее просто умолчали. А вот сам факт, что, причисляя себя к националистическому оккультному движению и действуя в одиночку, он планировал «в дальнейшем взрывать школы и детсады», о чем свидетельствовали оставленные на месте взрыва самодельного устройства флеш-карты, остался вне внимания публицистов массмедиа. Ведь, согласно логике эффективной творческой деятельности, алгоритм дегероизации террориста лучше всего иллюстрировала видеозапись допроса обвиняемого гражданина N²⁵. Причем в сообщениях СМИ называлась его реальная фамилия и адрес проживания, что этически было не совсем допустимым после официального заключения и признания индивида психически больным. Мужчина сообщал на камеру, что совершил теракт ради того, чтобы люди узнали о «секте экстрасенсов», для этого он самостоятельно сделал бомбу из «огнетушителя с шайбами». Взрывом в магазине он якобы «хо-

тел привлечь внимание к безобразиям», а также к тому, «как обучают в школе ДЭИР» (некая организация «Дальнейшее энерго-информационное развитие»). Но факт действий откровенно психически нездорового человека как точка отсчета, на наш взгляд, должен был бы породить серию аналитических материалов, экспертных интервью, ток-шоу и т.д. о данном явлении и об актуальных проблемах — прежде всего о качестве работы психиатрических организаций, а также о равнодушии и ответственности каждого из нас за то, чтобы мы могли вовремя обратить внимание на отклонение от нормы сознания у людей, живущих порой рядом с нами, сообщить об этом. Эти публикации, к сожалению, так и не появились, следовательно, алгоритм дегероизации в данном случае не был реализован в полном объеме.

Другие типичные ошибки дегероизации

Проанализировав тексты отечественных и зарубежных массмедиа по тематике совершенных терактов, мы сделали ряд выводов, позволяющих типологизировать и другие наиболее типичные ошибки журналистов, не позволяющие высоко оценить эффективность реализации процесса дегероизации. Более или менее оперативно информируя массовую аудиторию, они зачастую оставляли вне своего внимания функции, которые исследователи формулируют как разработку «модели интерактивной, социально-ответственной журналистики, формирование идеологии СМИ как коллективного переговорщика, модератора, способствующего поиску общественного компромисса»

²³ Задержанным по подозрению в петербургском теракте оказался местный националист // Интерфакс. URL: www.interfax.ru/russia/594106.

²⁴ ФСБ: Задержан исполнитель и организатор взрыва в «Перекрёстке» // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2017/12/30/055/>.

²⁵ Подозреваемый во взрыве в «Перекрёстке»: Чтобы люди узнали о «секте экстрасенсов» // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2017/12/30/069>.

[25, с. 304]. Ведь с психологической точки зрения дегероизация — это, по сути, убеждение в том, что подражать террористу, даже косвенно поддерживать его, — аморально. И что нет и не должно быть таких идеологических постулатов, которые бы находили оправдание данным действиям.

К примеру, большой критике подверглись массмедиа после освещения теракта в британском Манчестере на «Манчестер-Арене» 22 мая 2017 г.²⁶. Благодаря журналистам, за 22-летним Салманом Абеди закрепился образ террориста-смертника, который на протяжении нескольких лет был в поле зрения правоохранительных органов, об экстремистских взглядах которого сообщали в спецслужбы, которые ничего не предпринимали. Рассказ о нем дополнялся историей связей его семьи с террористическими и радикальными группами, сообщениями о религиозности в последние два года жизни. С одной стороны, у аудитории эти многочисленные публикации могли, безусловно, вызывать осуждение, так как поведение такого человека общественно-опасное, с другой же, невольное одобрение — за действиями Абеди стояли единомышленники и члены семьи, которые не выдали его, поддерживали, даже находили мотивы для этого. А контекст сплоченности группы мог даже своеобразно восхищать читателей. Еще одним героизирующим эпизодом могло служить описание его «таланта» по самостоятельной сборке взрывного устройства. Что, кстати, позднее полностью отвергли

эксперты — это было не под силу сделать даже специалисту, поскольку в домашних условиях изделие такой мощности собрать было невозможно. В то же время, чувство страха у массовой аудитории могло возникнуть после публикаций с красноречивыми заголовками, которые цитировали и российские массмедиа, к примеру: «Власти врут? Жители Манчестера говорят о сотнях пострадавших от теракта» [26].

Никаких чувств, кроме страха и неопределенности действий, не могла породить и публикация о теракте на Английской набережной в Ницце 14 июля 2016 г. Так, РИА «Новости» «молнией» и прописными буквами без подробностей и объяснений сообщало: «ВРЕЗАВШИЕСЯ НА ГРУЗОВИКЕ В ТОЛПУ В НИЦЦЕ СТРЕЛЯЛИ ПО ЛЮДЯМ, ЕСТЬ НЕСКОЛЬКО ПОГИБШИХ, МНОГИЕ РАНЕНЫ»²⁷. Как позже заключили психологи, онлайн-трансляция с места события²⁸ также мало о чем свидетельствовала, но представляла ни что иное, как своеобразную модель действия, позволяющую мгновенно прославиться во всем мире. Но «прославление героя и его создание не есть тождество. Рассматривая героизацию как процесс формирования героя, отметим, что назревающая современная тенденция героизации нужной общественной когорты способна привнести в социум зачатки раскола. Для устранения раскола потребуется героизировать

²⁷ В Ницце неизвестные врезались в толпу на грузовике, и открыли стрельбу // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20160715/1466314201.html>.

²⁸ Теракт в Ницце. Хроника событий // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3455644>.

²⁶ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20170529/1495311931>.

"когорту обделенных вниманием"» [27, с. 103]. Именно «обделенность вниманием», а не твердая идеологическая или конфессиональная убежденность зачастую, по мнению экспертов, подталкивает психически неуравновешенных людей к совершению если не террористических актов, то тех или иных асоциальных действий, пример тому — призыв в период пандемии 2021 г. к «массовой эвакуации-утилизации россиян», наделавшей в медийном пространстве немало шуму²⁹.

История с террористом из Ниццы — Мохамедом Лахуайеджем Бухлелем также позволяет сделать вывод о типичности многих ошибок в представлении подобного контента. Мало какие массмедиа сообщили, к примеру, о том, что, по данным следствия, преступник был далек от религии, употреблял наркотики и вел беспорядочную сексуальную жизнь. А вот любопытствующих молодых людей, как и в предыдущем случае, мог заинтересовать тот факт, что он самостоятельно собрал взрывное устройство, пользуясь подручными средствами и видеонструкциями из Сети. Ярким примером его потенциальной героизации, вместе с описанием технических наклонностей, могли служить сообщения, в которых неоднократно рассказывалось о том, что Мохамед Бухлель перед терактом выслал своим родным порядка 100 тыс. евро, тогда как ранее он отправлял им на родину в Тунис небольшие суммы. При этом за несколько дней до преступления мужчина выставил в Сети фотографии своей семьи. На кадрах, по словам

родных и близких, он, якобы, выглядел счастливым. К сожалению, та часть аудитории, которая не освоила даже азы медиаобразования, может воспринять эту и другую, явно пропагандистскую, информацию в качестве позитивной.

Как любой вооруженный конфликт, так и террористический акт — трагическое массмедийное событие, и оно чаще всего раскрывается журналистами через участников событий. Какими чертами наделит их журналист, используя какие методы, охарактеризует, передаст убеждения и принципы истинных героев, противостоящих террористам, и злодеев — от этого будет зависеть и сложившаяся точка зрения на произошедшее у большинства представителей аудитории. Ведь герой в массовом сознании — это человек, отличающийся отвагой, совершающий самоотверженные поступки или даже подвиги во имя других людей. Соответственно образ антигероя формируется массмедиа при посредстве «демонстрации комплекса качеств, заведомо не приемлемых, к примеру, для большинства читателей» [28, с. 112]. Таким образом, можно предположить, что публикации, посвященные теме террористических актов, призваны, прежде всего, дискредитировать в глазах общественности организаторов и пособников террора, а также нивелировать их какой бы то ни было авторитет в глазах родных и тех людей, которые были ранее знакомы с террористами. При этом при посредстве алгоритма дегероизации необходимо так представить данный образ, чтобы ни у кого не возникло желания повторить нечто подобное, вызвав тем самым гнев, всеобщее возмущение и

²⁹ Массовая эвакуация-утилизация россиян // spletnik. URL: https://spletnik.ru/blogs/govoryat_chno/187139.

шквал проклятий. В новейших источниках [29] формирование социально-психологических установок при посредстве медиа (прежде всего по отношению к событиям, вызвавшим широкий общественный резонанс) связывается также с процессом развития коммуникативно-культурной памяти нации, что можно рассматривать как один из векторов продолжения научно-исследовательской работы в этом предельно актуальном для социальной практики научном направлении.

Заключение

Проблема терроризма во всех его формах и проявлениях, к сожалению, актуализирована, в том числе, и перманентным развитием технологий прямого или косвенного влияния на индивидов, что расширяет возможности для манипулирования ими. Освещение террористического акта и создание образа террориста как антигероя, в соответствии с правовыми и с этическими требованиями гуманистической составляющей журналистики, является сложным процессом, при практической реализации которого к настоящему времени многие вопросы остаются без ответов. Это взаимосвязано, как мы выяснили при опросе респондентов, соответственно в 2011, 2016 и 2020 гг. [30], с противоречиями развития в цифровую эпоху профессиональной культуры журналистов.

Любое государство пытается сделать все, чтобы минимизировать риски утраты населения, создания (при посредстве прежде всего новых медиа) противоречивого, травмирующего образа общественной жизни. В то же время, пу-

бликации СМИ и сетевых изданий на подобные темы должны отражать реальность, оставаясь свободными от пустой риторики, трансляции выводов и утверждений на уровне стереотипов. Однако совершенные или вовремя раскрытые террористические акты являются для массмедиа и социальных сетей мощнейшим информационным поводом. Но при создании и трансляции такого рода контента происходит неизбежное столкновение трех составляющих: классического понятия «свободы слова», актуальных требований законодательства и профессионально-этических ограничений. Нередко все они преодолеваются в угоду желанию повысить рейтинг массмедиа, монетизируя тем самым контент, или собрать как можно большее число лайков в глобальной Сети. Нельзя не учитывать и тот факт, что иногда данного рода тексты могут являться инструментом ведения информационной войны против России.

Следовательно, при этом возникает множество нюансов, которые необходимо учитывать, чтобы впоследствии не провоцировать новые преступления. Детальный анализ работы массмедиа по освещению конкретных террористических актов позволяет, с учетом допущенных журналистами ошибок, структурировать процесс данного рода информационной деятельности, представив его как *алгоритм дегероизации образа террориста*. А на примере использования структурно-тематических, социально-психологических, лексических и семантических ресурсов создаваемых журналистами текстов, доказывать возможность как увеличивать, так и снимать при этом неопределенность.

Если расширить предметную область исследования, включив и иные типы антигероев, например, наркоторговцев, мошенников, угонщиков автомобилей и др., то разработанный алгоритм и проведенный анализ

приемов и методов дегероизации, могут быть применимы и в других информационных ситуациях, а значит, будут полезны более широкому кругу журналистов, медиаменеджеров, студентов творческих специальностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гирфанов А.Р. Терроризм в современной России: причины возникновения и способы противодействия / А.Р. Гирфанов, С.А. Сергеев // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. — Т. 17, № 17. — С. 322–326.
2. Леонова О.Г. Sharp power — новая технология влияния в глобальном мире / О.Г. Леонова. — DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28 // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 2. — С. 21–28.
3. Манойло А.В. Модели «мягкой силы» сетевых террористических организаций (на примере «Исламского государства», Аль-Каиды, Талибана и «Братьев-мусульман») / А.В. Манойло // Геополитический журнал. — 2016. — № 2 (14). — С. 37–46.
4. Виноградова С.М. «Мягкая сила» в контексте информационной безопасности России / С.М. Виноградова, Г.С. Мельник // Профессиональная культура журналиста как фактор информационной безопасности : сб. ст. и материалов / под ред. В.Ф. Олешко. — Екатеринбург, 2008. — С. 10–19.
5. Гладковская Е.С. Журналистский дискурс терроризма (сравнительный анализ публикаций в качественной прессе России и США) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Е.С. Гладковская. — Екатеринбург, 2006. — 154 с.
6. Пономарёв В.А. Информационный экстремизм и информационный терроризм в пространстве PR-технологий, СМИ и открытой информационной сети (Интернет): концептуальный аспект / В.А. Пономарев. — DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(2).301-319 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 2. — С. 301–319.
7. Пономарёв В.А. Российские СМИ как актор информационного противодействия терроризму и формирования антитеррористического сознания / В.А. Пономарёв. — DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(4).687-699 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9, № 4. — С. 687–699.
8. Cyber Crime and Cyber Terrorism. Investigator's handbook / ed. B. Akhgar, A. Staniforth, F. Bosco. — Amsterdam : Elsevier, 2014. — 306 p.
9. Lappin Ya. Virtual Caliphate: Exposing the Islamist State on the Internet / Ya. Lappin. — Washington : Potomac Books, 2011. — 212 p.
10. Ruggiero A. Crisis Communication and Terrorism: Mapping Challenges and Co-creating Solutions / A. Ruggiero. — Jyväskylä : University of Jyväskylä, 2017. — 93 p.
11. Манойло А.В. «Мягкая сила» террористов / А.В. Манойло // Россия и мусульманский мир. — 2017. — № 3 (297). — С. 137–149.
12. Розанов А.С. Феномен героизации терроризма / А.С. Розанов, А.А. Крюков // Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества : сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф. / под ред. И.В. Ильина. — Москва, 2016. — С. 186–192.
13. Загидуллина М.В. Панмедиатизация: закат вербальной коммуникации : монография / М.В. Загидуллина. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2019. — 287 с.
14. Психология терроризма : учеб.-метод. пособие / сост. Э.Л. Боднар. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 76 с.
15. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема вербовки людей в террористические сети: психологические аспекты / В.А. Соснин // Прикладная юридическая психология. — 2015. — № 4. — С. 20–28.
16. Олешко В.Ф. Психология журналистики : учебник и практикум / В.Ф. Олешко. — Москва : ЮРАЙТ, 2020. — 351 с.
17. Основы информатики : учебник / под ред. Л.А. Малининой. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. — 172 с.

18. Гэри М. Вычислительные машины и труднорешаемые задачи / М. Гэри, Д. Джонсон ; пер. с англ. Е.В. Левнера, М.А. Фрумкина. — Москва : Мир, 1982. — 416 с.
19. Короченский А.П. Роль журналистской этики в информационном противодействии терроризму / А.П. Короченский // Наука и образование против террора. — 2010. — URL: <http://scienceport.ru/library/liball/318-rol-jurnalistskoj-etiki-v-informatsionnom-protivodeystvii-terrorizmu/>.
20. Петренко О.А. СМИ и журналисты в условиях терактов : учеб. пособие / О.А. Петренко, А.М. Горбачев. — Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014. — 199 с.
21. Дорофеев В. В Санкт-Петербурге произошел взрыв. Известно о пострадавших / В. Дорофеев // URA.RU. — URL: <https://ura.news/news/1052318229>.
22. Дементьева К.В. Проблема терроризма и особенности ее освещения в СМИ / К.В. Дементьева // Журналистский ежегодник. — 2015. — № 4. — С. 30–33.
23. Тимофеев А. Контракт на насилие: как искоренить шок-контент в интернете / А. Тимофеев // Газета.ru. — 2020. — URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/06/09_a_13112125.shtml.
24. Макеев С. Предполагаемый исполнитель взрыва в Петербурге попал на видео / С. Макеев // URA.RU. — URL: <https://ura.news/news/1052318248>.
25. Дзялошинский И.М. Российские СМИ: как создается образ врага: статьи разных лет : монография / И.М. Дзялошинский, М.И. Дзялошинская. — Чебоксары : ИД Среда, 2019. — 324 с.
26. Истомин Л. Власти врут? Жители Манчестера говорят о сотнях пострадавших от теракта / Л. Истомин // URA.RU. — URL: <https://ura.news/news/1052290237>.
27. Панкратов В.Н. К вопросу о героизации, или Кто, как и зачем формирует легендарную личность / В.Н. Панкратов // Вестник Международного института экономики и права. — 2015. — № 1 (18). — С. 97–103.
28. Амиров В.М. Российская журналистика вооруженных конфликтов: современные практики и тенденции развития : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / В.М. Амиров. — Екатеринбург, 2021. — 382 с.
29. The concept of interdisciplinary research on intergenerational transmission of communicative and cultural memory / G. Simons, M. Muhin, V. Oleshko, A. Sumskaia. — DOI 10.30547/worldofmedia.1.2021.3 // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2021. — Iss. 1. — P. 64–91.
30. Олешко В.Ф. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти / В.Ф. Олешко, Е.В. Олешко. — DOI 10.15826/B978-5-7996-3074-4.0. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 470 с.

REFERENCES

1. Girfanov A.R., Sergeev S.A. Terrorism in Modern Russia: Causes and Methods of Counteraction. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta = Herald of Kazan Technological University*, 2014, vol. 17, no. 17, pp. 322–326. (In Russian).
2. Leonova O.G. Sharp Power — the new Technology of Influence in a Global World. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 2, pp. 21–28. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28.
3. Manoylo A.V. Models of "Soft Power" of the Network Terrorist Organizations (on Examples of the "Islamic State", Al-Qaida, the Taliban and "Muslim Brotherhood"). *Geopoliticheskiy zhurnal = Geopolitics Journal*, 2016, no. 2, pp. 37–46. (In Russian).
4. Vinogradova S.M., Melnik G.S. "Soft power" in the context of information security in Russia. In Oleshko V.F. (ed.). Professional culture of a journalist as a factor of information security. Ekaterinburg, 2008, pp. 10–19. (In Russian).
5. Gladkovskaya E.S. Journalistic discourse of terrorism (comparative analysis of publications in the quality press of Russia and the United States). Cand. Diss. Ekaterinburg, 2006. 154 p.
6. Ponomarev V. A. Information Extremism and Terrorism in PR-Technologies, Mass Media, and the Open Information System (Internet): Conceptual Framework. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 301–319. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(2).301-319.

7. Ponomarev V.A. Russian Media as Actor of Informational Counter-Terrorism Who Forms Antiterrorist Consciousness. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 4, pp. 687–699. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(4).687-699.
8. Akhgar B., Staniforth A., Bosco F. (eds). *Cyber Crime and Cyber Terrorism. Investigator's handbook*. Amsterdam, Elsevier, 2014. 306 p.
9. Lappin Ya. *Virtual Caliphate: Exposing the Islamist State on the Internet*. Washington, Potomac Books, 2011. 212 p.
10. Ruggiero A. *Crisis Communication and Terrorism: Mapping Challenges and Co-creating Solutions*. University of Jyväskylä, 2017. 93 p.
11. Manoylo A.V. "Soft Power" of Terrorists. *Rossiia i musul'manskii mir = Russia and the Moslem world*, 2017, no. 3, pp. 137–149. (In Russian).
12. Rozanov A.S., Kryukov A.A. The phenomenon of glorification of terrorism. In Il'in I.V. (ed.). *Global processes and new formats of multilateral cooperation. Materials of International Scientific Conference*. Moscow, 2016, pp. 186–192. (In Russian).
13. Zagidullina M.V. *Panmediatization: The Decline of Verbal Communication*. Chelyabinsk State University Publ., 2019. 287 p.
14. Bodnar E.L. (ed.). *The Psychology of Terrorism*. Ekaterinburg, Ural University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin Publ., 2013. 76 p.
15. Sosnin V.A. Modern terrorism and the problem of recruiting people into terrorist networks: psychological aspects. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2015, no. 4, pp. 20–28. (In Russian).
16. Oleshko V.F. *Psychology of Journalism*. Moscow, YuRAIT Publ., 2020. 351 p.
17. Malinina L.A. (ed.). *Basics of Informatics*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006. 172 p.
18. Garey M.R., Johnson D.S. *Computers and intractability*. San Fransisco, 1979. 338 p. (Russ. ed.: Garey M.R., Johnson D.S. *Computers and intractability*. Moscow, Mir Publ., 1982. 416 p.).
19. Korochenskii A.P. The Role of Journalistic Ethics in Information Counteraction to Terrorism. *Nauka i obrazovanie protiv terrora = Science and Education against Terror*, 2010. Available at: <http://scienceport.ru/library/liball/318-rol-jurnalistskoy-etiki-v-informatsionnom-protivodeystvii-terrorizmu/>. (In Russian).
20. Petrenko O.A., Gorbachev A.M. *Media and Journalists in the Context of Terrorist Attacks*. Stavropol, North-Caucasus Federal University Publ., 2014. 199 p.
21. Dorofeev V. An explosion occurred in St. Petersburg. There is information about the victims. *URA.RU*. Available at: <https://ura.news/news/1052318229>. (In Russian).
22. Dementieva K.V. Terrorism and Especially its Media Coverage. *Zhurnalistskii ezhegodnik = Journalistic Yearbook*, 2015, no. 4, pp. 30–33. (In Russian).
23. Timofeev A. The Violence Contract: How to Eliminate Shock Content on the Internet. *Gazeta.ru*, 2020. Available at: https://www.gazeta.ru/tech/2020/06/09_a_13112125.shtml. (In Russian).
24. Makeev S. The alleged perpetrator of the explosion in St. Petersburg was caught on video. *URA. RU*. Available at: <https://ura.news/news/1052318248>. (In Russian).
25. Dzyaloshinsky I.M., Dzyaloshinskaya M.I. *Russian Mass Media: How the Image of the Enemy is Created: Articles of Different Periods*. Cheboksary, Publishing house "Sreda", 2019. 324 p.
26. Istomin L. Are the authorities lying? Residents of Manchester talk about hundreds of victims of the terrorist attack. *URA.RU*. Available at: <https://ura.news/news/1052290237>. (In Russian).
27. Pankratov V.N. To the question of the glorification, or Who, how and why forms the legendary personality. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava = The Herald of the International Institute of Economic and Law*, 2015, no. 1, pp. 97–103. (In Russian).
28. Amirov V.M. *Russian journalism of armed conflicts: modern practices and development trends. Doct. Diss.* Ekaterinburg, 2021. 382 p.
29. Simons G., Muhin M., Oleshko V., Sumskeya A. The concept of interdisciplinary research on intergenerational transmission of communicative and cultural memory. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2021, iss. 1, pp. 64–91. DOI: 10.30547/worldofmedia.1.2021.3.

30. Oleshko V.F., Oleshko E.V. *Mass Media as a Mediator of Communicative and Cultural Memory*. Ekaterinburg, Ural University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin Publ., 2020. 470 p. DOI: 10.15826/B978-5-7996-3074-4.0.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Олешко В.Ф. Проблема дегероизации образа террориста в публикациях массмедиа / В.Ф. Олешко, Е.В. Олешко, И.Е. Шестак. — DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(3).450-468 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10, № 3. — С. 450–468.

FOR CITATION

Oleshko V.F., Oleshko E.V., Shestak I.E. The Problem of Deheroization of the Image of a Terrorist in Mass Media Publications. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2021, vol. 10, no. 3, pp. 450–468. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(3).450-468. (In Russian).